

В.А. Миханкова.

Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936—1944 гг

НБЦ СЛОВО (ИФИ СПбГУ) 2006

Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде, посвященном памяти Н. Я. Марра. АН СССР. Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры имени Н. Я. Марра. Вып. XV, 1947.

После смерти Н.Я. Марра его семья, согласно желанию покойного, передала в ГАИМК его рукописный архив и библиотеку, в связи с чем в составе ГАИМК был учрежден научно-исследовательский кабинет Н.Я. Марра, имеющий задачей собирание, хранение и разработку материалов, относящихся к жизни и деятельности Н.Я. Марра. Кабинет начал работать с 20 марта 1936 г.

Основной рукописный фонд кабинета сложился тогда же. Поступления последующих лет были менее значительны, хотя в 1940 г., после смерти жены Н.Я. Марра, прибавились весьма ценные рукописи, считавшиеся утерянными, например: дневники раскопок Ворнакского могильника, описание рукописей книгохранилищ Иерусалима и частично Синая, дневники раскопок храма в Гарни, свыше 1000 листов материалов к грамматике грузинского языка и т. д. Всего в кабинете 6229 единиц хранения. Библиотека, насчитывающая до 15000 книг, поступила в 1940 г.

В план работ кабинета в первую очередь вошла разборка, определение, классификация и первичное описание поступивших материалов. Материалы были классифицированы по следующим основным группам: 1) рукописи работ Н.Я. Марра, 2) переписка, 3) биографические материалы, 4) газеты и газетные вырезки, 5) фотографии, 6) работы других лиц, исполненные по поручению Н.Я. Марра, присланные ему на отзыв или для использования в его трудах.

Конечно, наиболее обширен и интересен первый фонд — рукописи работ Н.Я. Марра (свыше 3000 единиц хранения). Рукописи относятся к периоду 1880—1934 гг. Это рукописи напечатанных работ (многие в нескольких вариантах), материалы к ним; рукописи законченных, но не напечатанных работ (курсы лекций, доклады, статьи), начатые работы, заметки, выписки, конспекты прочитанных книг, отзывы, докладные записки по научным и научно-организационным вопросам и т. д. Каждая единица, независимо от ее объема, описывалась отдельно. Исключение было сделано для совершенно незначительного числа разрозненных заметок, тематически объединенных при разборке.

На каждую рукопись составлялась карточка со следующими данными: название работы, год ее написания, краткое содержание, количество листов. Этот указатель расположен в хронологическом порядке. Когда эта первичная опись была закончена, было приступлено к подробному описанию рукописей и составлению предметного указателя к ним. В настоящее время предметный указатель составлен ко всем рукописям работ и к письмам в количестве примерно 30000 карточек по 689 предметным рубрикам, например: 1) Архитектура средневекового Кавказа — Ани, Ахтамар, Бана, Гарня, Ереруй, Зарзма и т. д.; 2) История языка — Происхождение языка, Ручная речь, Семья (система) языков, Скрещение языков. Стадии развития языка, Семантика, Словообразование и т. д.; 3) Грузинская литература — Одописцы, Руставели, Чахрухадзе, Иоанн Петрицкий и т. д.

Для облегчения пользования материалами предметный указатель аннотируется. В первую очередь аннотировались карточки на работы, имеющие непосредственное отношение к задачам ИИМК, например: авары, аланы, скифы, гунны, кочевники, история Армении, Ани и т. п. Работа эта продолжается; пока сделаны аннотации к 1527 рукописям, причем для некоторых из них объем аннотаций превышает 20—30 карточек.

Наиболее ранние рукописи Н.Я. относятся к его гимназическим годам. Это статьи и стихотворения на грузинском языке, помещенные в гимназическом рукописном журнале *Bedi* ('Судьба'). Среди них в журнале от 24. XI. 1880 стихотворение, посвященное творчеству грузинских поэтов — Церетели, Чавчавадзе, Эристова; переводы на грузинский язык стихотворений Лермонтова (журнал от 15. I. 1881), Пушкина (журнал от 22. I. 1881), с позднейшими исправлениями текста перевода, сделанными Н.Я., а в журнале от 5. III. 1881—известное стихотворение, ответ поэту Акакию Церетели на его стихотворение «Весна», написанное по получении известия об убийстве Александра II.

Довольно значительное количество стихотворений, оригинальных и переводных (с русского, французского, немецкого, английского и итальянского языков), сохранилось от студенческих лет Н.Я. Часть из них теперь издана в грузинском журнале «Литературное наследство», № 11 за 1936 г.

От 1884—1888 годов — годов студенчества Н.Я. — в кабинете имеются записи на лекциях, различные заметки, выписки и наброски по истории армянской и грузинской литературы и языку. Среди студенческих материалов имеется сделанное в тетради для записей на лекциях первое наблюдение о родстве (близости, как он тогда писал) грузинского языка с семитическими, конкретно — с арабским. Заметка эта гласит: «Нет, положительно, столько, сходного в синтаксическом и этимологическом отношении с арабским, что грузинский можно счесть семитическим, если бы не лексический материал и числительные» (А 614, л. 9).

Начиная с 1886 г., Н.Я. Марр подготавливает свою медальную работу о грузинских средневековых повестях, написанных в прозе. В кабинете сохранились отдельные части этой работы, подготовительные материалы к ней, а также рукописи работ, предпринятых в связи с изучением языка грузинских средневековых повестей; например, большой указатель (несколько тысяч карточек) «Список слов и выражений, существующими грузинскими словарями этимологически неверно объясняемых, превратно понимаемых или совершенно опущенных, составленный к четырем повестям — Вис-Рамиани, Амиран-Дареджаниани, Русуданиани и Дилариани». Не менее обширен указатель иностранных слов в грузинской лексике, начатый в связи с той же работой. К этому же времени относятся работы над грузинскими рукописями в собраниях Публичной библиотеки, университета, Азиатского музея, где Н.Я. Марром проводилась кропотливая работа по описанию рукописей, установлению разночтений, переводам и т. д. Эта работа над грузинскими, а затем и армянскими рукописями, начатая в Ленинграде, продолжается в дальнейшем на Кавказе, на Афоне, на Синае, в Иерусалиме, в библиотеках Западной Европы. Многие из этих материалов изданы, но немало сохранилось неизданных, в том числе «Краткое описание грузинских рукописей библиотеки православного греческого патриархата в Иерусалиме», лишь частично использованное в «Предварительном отчете о работах на Синае и в Иерусалиме».

В эти же студенческие годы, в связи с работой над средневековой грузинской светской литературой, Н.Я. приступает к изучению Руставели. Эти работы, начатые в 1886—1887 гг., продолжаются почти до последнего дня его жизни. Всего рукописей неизданных работ и материалов Н.Я. о Руставели свыше 15, из них большая часть посвящена анализу текста поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Последние из этих работ относятся к 1931—1933 гг., —

она посвящены критике текста и различным культурно-историческим вопросам, связанным с Руставели и его эпохой. В связи с празднованием 750-летия поэмы Руставели К. Д. Дондуа подготовил к печати рукописи Н.Я. Марра о Руставели филологического характера: критика текста, перевод, комментарии, по типу широко известных «Текстов и разысканий по армяно-грузинской филологии», основанных и редактировавшихся Н.Я. Работа, объемом в несколько печатных листов, в единственном рукописном экземпляре (поскольку большая часть работы была на грузинском языке), переданная ответственному редактору, погибла.

Восстановить рукопись, потребовавшую почти года напряженного труда, К. Д. Дондуа не мог.

Второй сборник статей о Руставели историко-культурного характера был подготовлен мною. Он включал изданные и неизданные работы о Руставели и его эпохе. Этот сборник также не вышел.

Поставленный в указанной выше записи в студенческой тетради вопрос о родстве грузинского языка с семитическими не забывался Н.Я. В январе того же 1886 г. им начата статья на грузинском языке с эпиграфом: «Rira bien, qui rira le dernier», — первый вариант статьи, напечатанной в 1888 г. в грузинской газете «Иверия». За этой грузинской статьей в том же 1886 г. начата русская статья с резюме на немецком языке — «Новый отпрыск семитической ветви языков» (А 902). Тогда же умножаются работы Н.Я. над строем грузинского языка, набрасывается «Опыт передачи грузинского языка в транскрипции» (А 2156), собираются материалы по грузинской лексике в целях дополнения словарей Чубинова и Орбелиани (А 1974, 2628, 2647 и др.). Этих словарных материалов несколько тысяч карточек.

С осени 1888 г. Н.Я. начинает подготовку материалов к своей магистерской диссертации «Сборники притч Вардана», занося в тетрадь, датированную 6. XI, заметки и выписки о баснях, сказках и притчах. Всего подготовительных материалов такого рода, собранных Н.Я. в России и за границей, чрезвычайно много, особенно, если иметь в виду, что они сохранились далеко не все. Общее число рукописей (1888—1899), посвященных работе над диссертацией и сохранившихся в кабинете свыше 40, в том числе почти полностью рукописи II и III частей диссертации и свыше 10 вариантов вступительной речи перед защитой диссертации. Эта вступительная речь, как известно, излагала взгляды Н.Я. на задачи армяноведения.

В связи с подготовкой диссертации Н.Я. исследует армянский язык; его интересует не только строй самого армянского языка, чему посвящено большое количество работ, но и его отношение к другим языкам, в том числе и к грузинскому, с которым он уже тогда находит у армянского общие элементы, наметив еще в 90-х годах серию работ по выяснению афетических элементов армянского языка.

В 1892 г. Н.Я. предпринял первую археологическую поездку в Армению. Ей предшествовала, как и во всех других лингвистических и археологических поездках Н.Я., тщательная подготовка. В кабинете хранится свыше 50 рукописей заметок, выписок, маршрутов, извлечений из армянских историков и т. п., не считая дневников поездок и раскопок. Из дневников археологических работ в кабинете имеются дневники раскопок в Ани за ряд лет, а также дневники поездок в Двин, раскопок в Гарни, поездки в Шавшию и Кларджию, в Месхию, дневники поездок в Гехамские горы, дневник раскопок Ереруйской базилики, рукопись доклада об Ереруйской базилике, дневник раскопок в Ворнаке и частично в отрывках, частично полностью лекции о раскопках в Ани, читанные Н.Я. в разные годы, в том числе одна неизданная лекция на армянском языке, по-видимому, 1908 г.

Из материалов Ванской экспедиции в кабинете имеются дневники раскопок и несколько тетрадей заметок по отдельным вопросам в связи с подготовкой экспедиции и ее работами, а также неопубликованный отчет Н.Я. в Восточном отделении Русского археологического общества о работах на Топрах-Кале. Как известно, в издание Русского археологического общества, посвященное Ванской экспедиции 1916 г., вошли отчет о раскопках И. А. Орбели на Ванской скале и исследование надписи Сардура II, открытой И. А. Орбели и изданной Н.Я., самый же отчет о раскопках на Топрах-Кале опубликован не был. Перед войной я приступила к подготовке этого отчета к печати.

Аспирантка ИИМК Е. М. Калашникова вела подготовку к печати материалов Н.Я. по Ворнакскому могильнику. Она тщательно изучила дневники, отчеты, заметки, фотографии, хранящиеся в архиве ИИМК и в Кабинете, ознакомилась с вещественным материалом. Безвременная гибель ее во время блокады Ленинграда сорвала успешно начатую работу.

Во время первой археологической поездки в Армению Н.Я. обращается и к изучению живого армянского языка, наблюдения над которым им занесены в записную книжку под заглавием «Десять дней в живой Армении» (А 1960). Тогда же, в связи с раскопками языческого могильника в Ворнаке, Н.Я. приступает к изучению древнейшего письменного языка Кавказа — халдского, однако наибольшее количество рукописей, относящихся к работе над халдским и другими клинописными языками, падает на позднейшие годы.

Наиболее богат и разнообразен, естественно, материал по языкам Кавказа. В кабинете в числе рукописей по языкам Кавказа хранятся: грамматика сванского языка сравнительно с языками сибилантной группы, грамматика абхазского языка, грамматика аварского языка, грамматика удинского языка и др., в том числе рукопись изданной грамматики чанского языка, а также большое количество дополнительных материалов к изданным грамматикам древнелитературного армянского и древнелитературного грузинского языков.

Из дореволюционных работ сохранились рукописи выступлений Н.Я. на университетских диспутах и курсы его лекций: история Армении, история армянской и грузинской литературы (свыше 12 рукописей), курсы сравнительной грамматики яфетических и семитических языков, хотя большая часть университетских курсов сохранилась в редакции позднейших лет, преимущественно 1925—1929 гг.

Из более крупных, не изданных до первой послереволюционной заграничной поездки Н.Я. работ, кроме указанных, следует отметить грамматику вершикского языка, курсы лекций в Лазаревском институте и в университете за 1918—1920 гг. («Главнейшие этапы культуры Кавказа», «Культурное наследие народов Кавказа в их современной общественности», «Введение в изучение кавказского мира»), а также доклады: «Кавказская поэзия и ее технические основы», «Вахтанг Горгасар», «Лингвистический подход к этнической культуре Кавказа», статья для издательства «Всемирная литература» — «Литература народов Кавказа». Я не упоминаю здесь о большом количестве докладных записок по делам факультета восточных языков, Академии Наук, арийским работам, по реорганизации высшей школы и т. д.

От первой и второй (за советские годы) заграничных командировок Н.Я. в кабинете богато представлены его занятия этрусским и особенно баскским языками. Рукописей, имеющих отношение к баскскому языку, истории и этнографии басков, несколько десятков. Так же многочисленны и разнообразны материалы по кельтским языкам, особенно—бретонскому.

Из неизданных докладов и лекций этого периода отмечу: «Язык Шапуха Багратуни», «Мировая палеонтологическая быль в библейских сказках», «О перестройке Арийского

собора», «Распорядок грузинского двора», курсы лекций: «Основные культурные течения в истории Армении и Грузии», «Этническая и национальная культура Кавказа».

За 1924 г. и последующие большой материал имеется по приволжским языкам, африканским, особенно — севере африканским, готскому и немецкому. Рукопись французского курса грамматики грузинского языка и заметки к этому курсу, читанному Н.Я. в Париже в 1928—1929 гг. и изданному затем как совместная работа Н.Я. и его слушателя, а в дальнейшем ассистента — Бриера, превышает (без словаря) 1500 листов.

К этим же 1925—1931 гг. относятся последние редакции основных университетских курсов Н.Я.: «Грамматика грузинского языка», «Грамматика армянского языка», «История армянской и грузинской литературы», «Сравнительная грамматика яфетических языков Кавказа», «Сравнительная грамматика яфетических языков с семитическими», «Палеонтология речи», «Общее учение о языке», а также последний курс Н.Я. — «Очерки развития языка и мышления», материалы к лекциям и самые лекции, читанные Н.Я. в его последнюю заграничную командировку в Турцию.

Таков в самых общих чертах состав рукописного фонда кабинета. Я совершенно не упоминала здесь о словарях, картотеках, отзывах, записках, отчетах о работе ГАИМК и ЯИ, особенно за первые годы их существования. Многие рукописи превышают сотни, а иногда и тысячи листов. Поражает, однако, не только (и, пожалуй, не столько) количество материала, как его характер. Каким бы второстепенным и частным вопросом в масштабе общих интересов Н.Я. ни занимался, он подходил к нему с той же углубленностью и обстоятельностью, как если бы это был единственный и основной предмет его изучения. Только после того, как воедино собрано все, или почти все, фактически и конкретно известное Н.Я. и им проработанное с исключительной систематичностью, можно понять, почему он мог позволить себе делать столь смелые обобщения, всегда вызванные материалом.

Относительно остальных фондов кабинета я ограничусь несколькими словами.

Переписка Н.Я. на русском, армянском, грузинском и западноевропейских языках состоит примерно из 10000 писем. Из них около 2000 писем Н.Я., неравномерно сохранившихся от разных годов. Наибольшее число писем Н.Я. за 1924—1934 гг., а за более ранние годы имеются лишь по несколько писем. На каждое письмо Н.Я. составлена карточка с указанием адресата, даты и краткого содержания письма.

Писем к Н.Я. почти 8000, в том числе письма ряда виднейших ученых как наших, так и иностранных. На каждого корреспондента (их всего 1502) составлена карточка с указанием фамилии, имени и отчества корреспондента, годов переписки, количества писем. Мною начата подготовка к печати переписки Н.Я. с бароном В. Р. Розеном, представляющей, несомненно, научный и общественный интерес. К сожалению, эта работа временно остановилась. Письма барона Розена почти подготовлены, но не могут быть обработаны полностью, так как некоторые вопросы выяснятся только из ответных писем Н.Я.

Биографические материалы охватывают период с 1860 по 1935 г. включительно. Наиболее ранние относятся еще к отцу Н.Я., последние представляют собою мероприятия правительственных органов и научных учреждений по увековечению памяти Н.Я. Биографические материалы оформлены в 296 дел, к которым составлен указатель. Параллельно составлялся указатель к биографии Н.Я. Он включает пока около 7000 записей, извлечений из печатных и архивных материалов.

Газетный материал довольно случаен, тем не менее в нем имеется некоторое, правда, незначительное, количество статей и рецензий на работы Н.Я. Марра, не вошедших в библиографию его трудов.

Кабинет занимался подготовкой полного списка печатных работ Н.Я. и рецензий на них. Для этого были просмотрены соответствующие библиографические справочники и журналы за 1890—1934 гг. (например : *Journal Asiatique*, *Jornal of the R. Asiatic Society*, *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morg-enlandes*, *Revue de l'Orient chrétien*, *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, *Memoires de la Société de linguistique* и др .). Всего пока выявлено около 700 рецензий на работы Н.Я. и упоминании о них.

Из фотографий (в количестве 1516, расположенных в 35 тематических альбомах) наиболее интересные — памятники армянской и грузинской архитектуры, армянские и грузинские рукописи (в том числе полный текст «Жития Григория Хандзтийского» Георгия Мерчула, изданный Н.Я. Марром), рукописный баскско-французский словарь.

Таково в основных чертах содержание материалов кабинета Н.Я. Марра.

Помимо разборки, определения, монтировки, реставрации и обработки фондов, кабинетом велась подготовка к изданию работ Н.Я. Марра. В 1935 г . ГАИМК было закончено издание пятитомника «Избранных работ Н.Я. Марра» и был разработан план следующего пятитомника, в который, в отличие от первого, постановлено было помещать и неизданные труды. За истекшее с выхода первых пяти томов десятилетие ни один из этих томов не вышел, хотя к печати подготовлено три из них — тт. VI и VII, посвященные языкам народов Кавказа, и т. VIII, посвященный истории культуры народов Кавказа. Из неизданных работ в состав т. VI включен подготовленный к печати, по поручению ИИМК, сотрудниками ИЯМ С. Л. Быховской и К. Д. Дондуа курс лекций Н.Я. Марра «Сравнительная грамматика яфетических языков Кавказа». Кроме трех томов «Избранных работ», был подготовлен второй выпуск сборника «Язык и история», куда вошли работы по истории Армении и Грузии: «Распорядок грузинского двора», «Язык Шапуха Багратуни» и две работы о Вахтанге Горгасаре. В 1940 г . была закончена подготовка к печати второго издания капитального исследования Н.Я. Марра — «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища». Как известно, первое издание было начато как личное предприятие Н.Я. Марра. Часть листов была уже отпечатана, когда издание было передано в ГАИМК. За время подготовки к печати произошло изменение в составе подготовлявших издание лиц, сам Н.Я. почти не принимал участия в этом деле, передав разрозненный текст своих лекций и докладов об Ани, легший в основу издания.

В целях сокращения объема книги из нее было исключено почти все, напечатанное Н.Я. о раскопках в Ани. Таким образом, оказались опущенными материалы нескольких лет раскопок (1893, 1904, часть 1913 и т. п.). Кроме того, ограниченный при чтении лекций и докладов рамками времени, Н.Я. в процессе чтения опускал целые параграфы, посвященные тому или иному вопросу. Эти вынутые из текста докладов части были исключены и из печатного текста.

Таким образом, определилась задача подготовки второго издания: восстановить по возможности полностью весь материал о раскопках в Ани и включить его в текст издания. С этой целью текст первого издания был сличен со всеми печатными работами Н.Я., относящимися к Ани, а также с рукописными материалами архива ИИМК и кабинета. Таких материалов было выявлено в 148 рукописях. Иногда это были отдельные заметки, иногда большие работы, дневники раскопок и поездок, отчеты и т. п. Этот рукописный материал был также сличен с текстом первого издания и другими печатными работами об Ани, и из

него выделены части, опущенные в издании. В результате оказалось около 15 печатных листов дополнений, из них часть включена в основной текст книги, часть — в примечания, часть — в приложения.

Чтобы дать представление о характере этих материалов, остановлюсь на некоторых из них.

1) Хотя город Ани был не только столицей Армении, но и центром ее культурной жизни, не было известно ни одной рукописи, происходящей из Ани, о чем и говорится в тексте первого издания. Между тем одна такая рукопись существует, она была приобретена в 1913 г. для Азиатского музея (ныне Институт востоковедения Академии Наук), была описана Н.Я., и в его заметках имеется это описание, текст ее и русский перевод. Рукопись по содержанию не представляет особого интереса, тем более, что текст ее не изучен, особой древностью она также не отличается (она 1298 г.), но это пока единственная рукопись, писанная в Ани, о чем свидетельствует обстоятельная запись монаха Егбайрика.

2) Добавлена также заметка о деятельности армянских князей, братьев Ивана и Захария Долгоруких. Заметка эта была написана Н.Я. в 1908 г., когда в связи с работами в Ани он предложил темой для студенческой медальной работы деятельность князей Долгоруких в эпоху царицы Тамары. В этой заметке, независимо от соображений Н.Я. об исторической роли братьев Мхаргрдзелов, могут представить интерес те требования, которые Н.Я. предъявлял к студенческой работе в 1908 г.: «... отнюдь не ограничиваться исследованием военных подвигов названных лиц. Вообще не думаю ограничивать научное творчество желающих писать. Тема лишь рамка, в пределах которой должна замыкаться работоспособность студента, определенный путь, который предлагается пройти, но по тому пути и с той стороны, с какой пишущий сумеет открыть больше для себя интереса... Считаю своим долгом Предупредить, что от студенческой работы я требую, конечно, критического отношения и к моим мнениям, напр., к мнению о Захаридах в работе «Ани, столица Армении». Требуется хорошее знакомство не только с литературой, что важно, но, и притом особенно, с источниками. Компиляция по историкам, напр., Чамчяну, Броссе и др. будет отвергнута».

3) По совершенно непонятным причинам из первого издания была исключена оценка Н.Я. памятников материальной культуры, в частности памятников Ани, для понимания исторического процесса. Я позволяю себе привести это рассуждение полностью, так как, по моему, оно сохранило свой интерес для понимания исторической концепции Н.Я., причем следует учесть, что писалось это в 1904—1905 гг.: «Чем больше вещественных памятников открываем в Ани, произведений ли искусства, предметов ли материальной культуры, вообще обстановки, чем больше в нас накапливается непосредственных впечатлений от работы художественной мысли древних армян, их повседневного идейного мира и представлений о комплексе их материальных нужд, тем более жизненными и соответствующими действительности становятся наши наблюдения и исторические выводы. Отныне для историка Армении *conditio sine qua non* — общение с материальной средой, в которой развертывалась действительная жизнь анийцев. Она открывает нам новые источники армянской истории, новые пути для ее исследования, более того — новое, совершенно иное ее понимание.

Центр тяжести из тесного официально-национального круга армянских царей, армянских полководцев и армянской церкви передвигается в широкую народно-национальную среду. На смену истории светских и духовных династий с исключительностью их сословных интересов нарастает история народных идеалов и народных потребностей на почве идейного общения с соседними народами. Перед научной пытливостью выдвигается новый мир с таинственным еще процессом развития мирных Художеств и ремесл, дающим иную

расценку международным отношениям, чем та, которая устанавливается на основании анналов военных успехов или неудач» (А 2655, л. 1617—1618).

4) В связи с историей круглых храмов в Армении и Грузии в качестве приложения к книге дается очерк Н.Я. о культурно-исторических взаимоотношениях Армении с соседними и отдаленными странами в V—VIII вв. Очерк этот был вызван работой Стржиговского о руководящей роли армянского искусства в развитии христианского, в том числе и западного, искусства. Мысль Стржиговского пришлась по душе некоторым армянским исследователям, использовавшим ее в неприкрыто националистических целях. Н.Я. Марр, дав историю возникновения и развития круглых храмов в Бане, Ишхане, Карее, Вагаршапате, Ани, а также наметив место их в истории культуры Кавказа, предупреждает, что «подобно обаянию традиционно понимаемой национальной гордости и громкая европейская слава, великодушно предоставляемая армянскому искусству эфемерной теорией с птичьего полета, не должна служить соблазном, отвлекая наше внимание от бесспорно высокой чести, которую обеспечивает за древней Арменией раскрытие истинного значения памятников ее сложной жизни. И лишь в этом раскрытии подлинного их значения, в упрочении их настоящего имени, пусть не громкого, единственное призвание нашей науки». Однако Н.Я. отнюдь не отрицает влияния армянского искусства на другие, в частности, на так называемое сельджукское, проявлявшее сродство с анийским зодчеством, особенно в орнаментации. В связи с этим в приложении к «Ани» дается небольшая заметка Н.Я. «О двуглавым орле в Ани», в которой он указывает на крупную методологическую ошибку некоторых западноевропейских ученых, например Sarte, ведших происхождение изображения двуглавого орла непосредственно из хеттских малоазийских скульптур, без учета того, что двуглавый орел как сельджукидский герб появляется в XIII в., тогда как столетием раньше тот же двуглавый орел появляется в одной армянской скульптуре.

Упомяну последнее крупное дополнение: «О перестройке Анийского собора», доклад, читанный Н.Я. в 1920 г. В вопросе о перестройке этого памятника Н.Я. Марр расходился с рядом ученых, в том числе и с некоторыми своими учениками. Тем не менее, Н.Я. настаивает на том, что «одно бесспорное обстоятельство является решающим, чтобы поставить вопрос о перестройке собора. Это то, что собор — одна из самых монументальных, если не самая монументальная постройка в Ани. Между тем нет ни одной церкви, даже не монументальной, в этом замечательном во многом отношении средневековом городе, чтобы, построенная в эпоху царей, она не была объектом реставрации и переделки. В городе, можно сказать, непрерывный бурный натиск перестройки, вызывавшийся переменой художественных вкусов, шедшей в шаг с быстрой сменой социальных слоев, да и соревнованием сменявших друг друга иноземных или иноверных властей, различных национальных общественностей правящей среды. Греки, персы-мусульмане, грузины, цари, князья, служилые люди, приходы, халкедониты и антихалкедониты реставрировали, чтобы сохранить памятники, но еще больше не давали покоя памятникам анийцы в погоне за новой красотой, новой формой купола, новым модным материалом, новой техникой в зодчестве, новым сочетанием орнаментальных подробностей, новой разработкой деталей. Реставрация происходила и в целях приспособления к новому культу, если не мусульманскому, то все-таки особой христианской общины. Какое чудо! Один собор остается в неприкосновенности, один собор обходили своим вниманием и жадные до художественных новшеств анийцы или ревновавшие о благолепии храмов в путях модернизации попечители христиане, притом христиане различных исповеданий, и мусульмане. Все это, на мой взгляд, невозможно представить в Ани без одного фактора, именно чуда. Но если допустить это чудо, то тогда нечего тратить время на исследование: пути мира чудес неисповедимы». Посвятив в первом издании «Ани» вопросу о перестройке собора целую главу (ч. II, гл. X), Н.Я. в этом позднейшем докладе приводит новые аргументы в подтверждение своей точки зрения, используя свидетельства армянских и грузинских историков, особенности надписей собора и

других материалов из раскопок в Ани. Принимая во внимание то значение, которое придавал Н.Я. перестройке собора как доказательству кипучей жизни в Ани в XII—XIII вв., обычно признававшихся периодом упадка культуры, мы сочли необходимым дать в приложении к книге полный текст этого доклада.

Таковы некоторые дополнения к первому изданию. Те же фактические данные, которые имеются в каталогах Анийского музея, путеводителях и пр., использованы в большинстве в примечаниях для большей конкретизации представления о характере групп памятников или отдельных предметов, обнаруженных раскопками в Ани и лишь бегло упомянутых в первом издании.

Особенную трудность представляло восполнение издания сведениями о работах 1914, 1916, 1917 гг.; за этот период мы не имеем отчетов Н.Я., осветить же этот последний этап работ в Ани нужно еще и потому, что пока нет оснований надеяться, что здравствующие участники анийских работ возьмут на себя труд дать сводную работу об этом городе. Поэтому, по необходимости ограничив сведения о работах 1914, 1916 и 1917 гг. данными кратких отчетов Н.Я. в Академии Наук и в Русском археологическом обществе, в приложении мы даем выдержки из дневников раскопок за эти последние годы.

Попутно с подготовкой текста и его дополнением был пересмотрен и дополнен иллюстративный материал, специально для памятников, мало документированных в первом издании (церковь VIII в. из раскопок 1911 г., жилой квартал у Храма Спасителя из раскопок 1913 г. и др.). В сложной и кропотливой работе над подготовкой второго издания «Ани» советами помогал ряд товарищей (К. Д. Дондуа, А. Л. Якобсон, Т. М. Девель, Н. М. Токарский, А. Н. Карасев), особенно были ценны указания наиболее компетентного в этом вопросе специалиста, академика И. А. Орбели.

Работа по подготовке «Ани» была основной предвоенной работой Кабинета в части издания работ Н.Я. Марра (упомянутые выше тома «Избранных работ» готовились в предыдущие годы, 1936—1939). Попутно был подготовлен к печати цикл лекций (три курса), посвященный истории культуры народов Кавказа. «Очерки культуры древней и новой Грузии» дают по преимуществу историю развития древнегрузинской духовной культуры, с особым вниманием к роли монастырей как очагов культурной жизни, с одной стороны, и центров борьбы против народных тенденций в литературе и быту, корнями часто уходящих в язычество — с другой. Второй курс — «Культурное наследие народов Кавказа» посвящен, в основном, опровержению фактическими данными двух одинаково ошибочных положений о культуре Кавказа (одно — «все с Кавказа и все от Кавказа», другое — «Кавказ в лучшем случае мост или проход с случайно застрявшими в нем следами проходивших его»). Третья работа, тематически близкая ко второй — «Главнейшие этапы развития культуры Кавказа», причем речь идет о культуре народов всего Кавказа, включая и Северный Кавказ. Н.Я. говорит, что «пора центр тяжести, точнее — точки опоры научных исканий, переместить с мертвых языков на живые..., со слов на вещи, с памятников речи на памятники материальной культуры».

Прослеживая вехи истории культуры Кавказа с древнейших времен, останавливаясь на вопросах этногенеза, роли Урарту в сложении современных народов Кавказа, на тысячелетней борьбе этих народов за самостоятельность, Н.Я. пытается определить те обстоятельства, которые способствовали развитию народов Кавказа или тормозили его. В связи с этим он говорит: «Следовало бы остановиться на расовом вопросе, так как, хотя и не объективно-научно, а в масштабе европейских просвещенных представлений, мысль все-таки существует о нехудожественности, напр., семитических народов... Вообще такая постановка вопроса, основанная на идее, я бы сказал *idée fixe*, расовой от природы различной

культурной одаренности народов есть научно праздное дело. Сама мысль о возведении духовной ограниченности или, наоборот, духовной всеобъятности этих стяжаний на пути культуры к расе есть по существу мистика. Она выходит за пределы научного интереса. В исторической науке все-таки она представляет интерес как пережиток средневекового мышления».

В кабинете работало довольно большое количество сотрудников ИИМК, ИЯМ, ИВАН и других академических учреждений, а также работники Академии Наук Армянской ССР, работники Академии Наук Грузинской ССР, Мордовского научно-исследовательского института, Института культуры Абхазии и др. Консультации, которые давались Кабинетом, заключались преимущественно в тематических справках, библиографических указаниях и рецензировании работ.

Поступившая перед самой войной библиотека Н.Я. Марра состоит, как сказано выше, примерно из 15000 томов. Особо богато представлены в ней, естественно, книги по кавказоведению, общему языкознанию, древнейшим периодам истории Западной Европы и Малой Азии. Особенность этой библиотеки, помимо ее подбора, составляет то, что в большинстве книг имеются личные пометки Н.Я. и вложены листки с его заметками по поводу прочитанного. Все эти заметки берутся на учет и систематизируются.

Source: http://slovo.iphil.ru/virtlab/50/marr/Marr_jizny/Mihankova_kab/view

Другие материалы по теме:

1. Первая письменная фиксация армянского языка за 2500 лет до Месропа Маштоца. Ю. Л. Мосенкис. [in Russian, source: <http://trypillia.narod.ru/>].
2. "Каменная летопись цивилизации ". Ваганян Г., Ваганян В., Монография, Ереван, Нжар, 2006, 256 стр., 35 - композиций наскальных рисунков, 150 - орнаментов. [in Russian, pdf, 3.3Mb, source: <http://www.iatp.am/vahanyan/kamlet/index.html>].